

В узком и полутёмном коридоре, по мере того как шаги становились всё тише, тихие слова Гу Шаобая растворились в окружающей тьме. Было ли это гневом, смехом или презрением, он уже не мог уделить этому внимания.

В полночь во дворце царила мертвая тишина, всё было как обычно.

Все те же бесконечные крыши дворцовых зданий.

Все тот же лунный свет, озаряющий серебристым сиянием, создавая атмосферу уныния.

Император, уставший от чтения докладов, решил остаться на ночь в тёплом кабинете в зале Вэньхуа.

Юноше едва исполнилось двадцать лет, с благородными чертами лица, казалось, даже во сне он нёс на себе тяжесть непосильного бремени.

В кабинете горел пол с подогревом, и благовония наполняли воздух. Он спал спокойно и крепко, лишь слегка нахмурил брови.

Внезапно звуки оружия, раздавшиеся вдалеке, нарушили тишину ночи, громко прозвучав у восточных ворот Хуа.

Молодой император, ещё в полусне, был разбужен Ван Си.

Он медленно пришёл в себя, открыл глаза и спросил:

— Си-гунгун, зачем ты разбудил меня?

За Ван Си следовала целая свита евнухов. Он дрожащим голосом произнёс:

— Ваше Величество, Ван Сыдао и Фэн Цзымэй ночью ворвались во дворец с отрядом императорской гвардии и уже почти достигли зала Вэньхуа.

Услышав это, император Цзячжэн, не проявляя ни малейшего волнения, сбросил одеяло. Ван Си тут же начал суетиться, помогая ему надеть императорские одежды.

Император оттолкнул его руку:

— Твои пальцы дрожат, я сам справлюсь!

Когда император аккуратно оделся, звуки битвы стали ещё ближе.

Молодой император улыбнулся. Наконец-то они пришли.

Он вышел из кабинета, встал в зале Вэньхуа и, слушая всё приближающиеся крики и шум битвы, поднялся на тронную платформу.

Зал Вэньхуа был вторым по значимости после Золотого Зала и использовался для встреч с министрами и обсуждения государственных дел, помимо утренних аудиенций.

Поэтому он был величественным и невероятно роскошным!

Ван Си приказал зажечь все свечи, и зал осветился, как будто наступил день.

Менее чем за время, необходимое для сгорания одной благовонной палочки, звуки доспехов, хаотичные шаги и крики битвы за пределами зала стихли.

Неизвестно когда, снег перестал идти.

Холодный лунный свет озарил землю, превратив снег за пределами зала в серебристое море, тихое и мягкое, безмолвное под холодной луной.

Отряд солдат в серебряных доспехах, вооружённых длинными мечами, ворвался в зал. В центре, как звёзды вокруг луны, шли двое: один — крепкий мужчина лет сорока, другой — изящный литератор лет пятидесяти. Это были командующий Императорской гвардией Фэн Цзымэй и премьер-министр Ван Сыдао.

На лице императора Цзячжэна, сидящего на троне, была видна полная безмятежность. Было ли это от испуга или от невероятной выдержки, но он выглядел совершенно спокойным.

Он опустил голову и спросил:

— Господа Ван и Фэн, вы что, взбунтовались?

Ван Сыдао, к удивлению, был одет в официальные одежды и стоял с гордо поднятой головой:

— Нет, Ваше Величество, я не бунтую. Просто этой ночью Ваше Величество внезапно заболело, лекарства не помогли, и Вы скоростижно скончались. Согласно завещанию, четвёртый принц Мянчэнь взойдёт на престол, а я буду назначен Великим Наставником, чтобы помогать новому императору.

— Ах, — кивнул император. — Значит, четвёртый принц будет управлять страной, а вы, господин Ван, станете регентом?

Ван Сыдао лишь улыбнулся, не отвечая.

— Но я ведь не съел яд, который Дэфу подсыпал в чай и фрукты, — с сожалением произнёс император Цзячжэн. — Похоже, я пока не собираюсь умирать. Что же делать?

Ван Сыдао широко раскрыл глаза и отшатнулся назад. Неудивительно, что император не выглядел отравленным.

Он не мог понять, на каком этапе произошла ошибка, и как император узнал об их плане. Его охватила паника, но теперь, когда стрела уже была выпущена, отступить было поздно.

Он сделал два шага вперёд, поднял голову и с усмешкой посмотрел вверх:

— Даже если Дэфу промахнулся, Ваше Величество всё равно умрёшь!

В этот момент из заднего зала раздался громкий и ясный крик:

— Ван Сыдао, вы, забыв о милости двух поколений императоров, хотите захватить малолетнего правителя и управлять страной! Вы — безумец, предатель и злодей!

С этим криком из заднего зала выбежал отряд солдат, который стройно выстроился у подножия тронной платформы. Отряд был организован, а их оружие сверкало.

Му Цинфэн, одетый в облегающий узкий костюм, стоял впереди, излучая энергию. Он

посмотрел в ночь за пределами зала:

— Ван Сыдао, ты слышишь звуки битвы за пределами дворца?

Он повернулся и устремил взгляд на нервно дергающееся лицо Ван Сыдао. Его голос был тихим, но полным давления:

— Это звуки битвы лагеря Императорской гвардии. Твои пять тысяч человек... вероятно, уже стали призраками. Ты всё ещё не сдаёшься?

Ван Сыдао, охваченный ужасом, смотрел на него налитыми кровью глазами, словно хотел разорвать его на куски. Он указал на Му Цинфэна и сквозь зубы прошипел:

— Ты...

— Как я мог узнать о твоих планах? — На губах Му Цинфэна появилась холодная усмешка. — С того момента, как я узнал о настоящем происхождении того, кто находится в «Дэянском дворце», твои замыслы стали очевидны. Ты, вероятно, ещё не знаешь, что прошлой ночью «Поянский князь» Сяо Чаосюнь был тайно вызван в столицу, чтобы захватить тебя, как черепаху в горшке!

Он покачал головой и вздохнул:

— Господин Ван, как можно быть таким жадным...

Происхождение четвёртого принца касалось репутации предыдущего императора и чести императорской семьи. Му Цинфэн не стал раскрывать все детали, но его намек уже обрёк планы Ван Сыдао на провал.

— Ха-ха... — Ван Сыдао засмеялся, глядя в небо. Он потратил годы на свои планы, и теперь всё превратилось в прах. Человеческие расчёты ничто перед волей небес.

Он перестал смеяться:

— Му Цинфэн, ты хорошо спланировал. Я всё-таки недооценил тебя.

— Не стоит благодарности, — улыбнулся Му Цинфэн. — Господин Ван, ты не недооценил меня, ты переоценил себя. Неверный, нечестный, бессердечный и бесчестный человек, как ты, не сможет поднять большую волну. Если ты сейчас сдашься, я, возможно, попрошу императора сохранить тебе жизнь.

— Так ли это? — Морщины на лице Ван Сыдао растянулись в улыбке, наполненной ненавистью и злобой. Его глаза горели красным светом, и он больше не выглядел изящным литератором. Он оскалил зубы:

— Победитель становится королём, а побеждённый — изгоем. Я готов принять это, тем более что у меня есть компания в путь в ад. Это не будет одиноко и печально!

Му Цинфэн не понял, что он имел в виду, как вдруг охранники за спиной Ван Сыдао разошлись в стороны, открывая связанного человека. Блестящий кинжал был прижат к его шее, на щеке остались следы от ударов, губы были в крови, волосы растрепаны, а лицо выглядело измученным. Только его глаза горели ярким светом, и он молча смотрел на Му Цинфэна.

— Князь, — Ван Сыдао, понимая, что всё потеряно, почувствовал неожиданное облегчение. Он

злорадно улыбался, и его голос, как крик ворона, резал слух. — Господин Гу действительно предан вам. Одно фальшивое письмо заставило его добровольно попасть в ловушку. Нужно признать, вы вложили в него немало усилий!

Он вытащил тряпку изо рта Гу Шаобая:

— Господин Гу, ты готов умереть со мной?

Гу Шаобай не обратил на него внимания и с самого начала не смотрел на Ван Сыдао. Он просто смотрел на Му Цинфэна, хотя никогда не ожидал, что встретит его в такой ситуации. В его груди бушевала радость.

Оказывается, даже прожив две жизни, самым любимым, самым дорогим и самым незаменимым для него остаётся он!

На лице Му Цинфэна была холодность, но в глазах читалось беспокойство. Ему хотелось дать себе пощёчину за то, что он считал, что всё контролирует, но не ожидал, что Ван Сыдао окажется таким коварным.

Кинжал блестел, отражая свет свечей на лицо Гу Шаобая. Он выглядел бледным и хрупким, как стеклянная лампа с тонкими трещинами, которая может разбиться от одного прикосновения.

Глаза Гу Шаобая отражали огонь, и он глубоко смотрел на Му Цинфэна. Его ясные глаза теперь были как глубокий, тёмный пруд.

Му Цинфэн сжал пальцы, суставы болели от напряжения, но он словно не замечал этого, погрузившись в взгляд Гу Шаобая. В его глазах скопилось слишком много эмоций, которые всегда были глубоко спрятаны, но сейчас они вырвались наружу, глубокие и нежные, падая на его взгляд с огромной тяжестью.

— Ван Сыдао, ты, великий министр, собираешься цепляться за жизнь с помощью невинного ребенка? — Голос Му Цинфэна был спокойным, но в душе он горел нетерпением, желая тут же броситься и разорвать этого зверя на куски.

Ван Сыдао взглянул на Му Цинфэна с насмешкой:

— Я признаю, что на этот раз я проиграл мудрому и доблестному князю И. Моя жизнь больше не имеет значения, но... — Он оглянулся на лицо Гу Шаобая, белое, как фарфор, и снова повернулся. — Если он умрёт, разве это не будет означать, что я не полностью проиграл?

Друзья, эта история постепенно подходит к концу!

<http://bllate.org/book/16730/1539006>